

УДК 791: 82–94

ББК 63.3(2)5; 85.374.3(2)

Сараскина Людмила Ивановна

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник, сектор художественных проблем массмедиа, Государственный институт искусствознания, 125375, Россия, Москва, Козицкий пер., 5

ORCID ID: 0000-0003-4844-4930

ResearcherID: AAS-8550-2021

Scopus Author ID: 56936849700

l.saraskina@gmail.com

Ключевые слова: Николай I, А.С. Пушкин, восстание декабристов, политическая целесообразность, исторические оценки, экранные образы, документальный кинематограф, новые тенденции

Сараскина Людмила Ивановна

Правда и ложь в исторических репутациях. Образ императора Николая I в отечественном кинематографе

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

DOI: 10.51678/2226-0072-2024-2-404-435

Для цит.: Сараскина Л.И. Правда и ложь в исторических репутациях. Образ императора Николая I в отечественном кинематографе // Художественная культура. 2024. № 2. С. 404–435. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2024-2-404-435>.

For cit.: Saraskina L.I. Truth and Untruth in Historical Reputations. The Image of the Emperor Nicholas I in Russian Cinema. *Hudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2024, no. 2, pp. 404–435. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2024-2-404-435>. (In Russian)

Saraskina Liudmila I.

D.Sc. (in Philology), Chief Researcher, Mass Media Arts Department, State Institute for Art Studies, 5 Kozitsky Lane, Moscow, 125375, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-4844-4930

ResearcherID: AAS-8550-2021

Scopus Author ID: 56936849700

l.saraskina@gmail.com

Keywords: Nicholas I, A.S. Pushkin, the Decembrist uprising, political expediency, historical assessments, cinema images, documentary cinema, new trends

Saraskina Liudmila I.

Truth and Untruth in Historical Reputations. The Image of the Emperor Nicholas I in Russian Cinema

Аннотация. В статье анализируется проблема искажения исторических репутаций правителей Российской империи, в частности императора Николая I, одного из самых оболганных и оклеветанных монархов на российском троне. Отношение к Николаю I и к его тридцатилетнему правлению, которое началось с подавления восстания декабристов (1825) и закончилось Крымской войной (1853–1855), во многом зависело прежде и зависит теперь от исторических оценок этих двух событий. В свою очередь, на сами оценки всецело влияла и влияет пресловутая политическая целесообразность, с ее приемами манипуляции, выборочного цитирования, замалчивания положительного, выпячивания негативного, произвольной редукции высказываний и т.п. В последние десятилетия становится все более очевидным стремление к объективным, вернее сказать, к справедливым оценкам личности Николая I и других российских монархов.

За сто двенадцать лет (1910–2022) отечественный кинематограф создал без малого 50 картин, в которых присутствует Николай I, но в основном как персонаж второго плана или фона, чье короткое, порой минутное появление в кадре — необходимый атрибут биографий его современников: поэтов, писателей, композиторов, бунтовщиков-заговорщиков. Основное внимание в статье обращено к тем картинам, где Николай I — активное действующее лицо в его взаимодействии с А.С. Пушкиным или с трагической историей восстания декабристов. Новые тенденции в изучении отечественной истории пробудили у кинематографа, особенно у документального и документально-игрового, желание всмотреться в события двухсотлетней давности и попытаться понять, почему и зачем представители лучших дворянских родов устроили бунт с намерением истребить для начала всю императорскую фамилию.

Abstract. The article analyses the problem of distortions of historical reputations of the rulers of the Russian Empire, in particular, Nicholas I, who is considered one of the most slandered monarchs on the Russian throne. Attitudes to Nicholas I and to his thirty-year reign, which started with the Decembrist uprising (1825) and ended with the Crimean War (1853–1855), were and still are largely conditioned by historical assessments of the two events. These assessments, in their turn, have been influenced by the notorious political expediency, which implies manipulations, selective citations, hushing up the positive points while emphasizing the negative ones, arbitrary abridgments of utterances, etc. However, recent decades have demonstrated obvious efforts to undertake objective or, better to say, fair reassessments of the personality of Nicholas I, as well as of the personalities of other Russian monarchs.

During one hundred and twelve years (1910–2022) Russian cinema produced about fifty films in which Nicholas I is shown, but mostly as a supporting character whose appearance, in some cases just for a minute, is a necessary attribute of the biographies of his contemporaries: poets, writers, composers, rebels, etc. The article concentrates on those films in which Nicholas I appears as an active figure, interacting with A.S. Pushkin or reacting to the tragic events of the Decembrist uprising. New trends in studying Russian history have generated in Russian cinema, especially in documentary and documentary feature cinema, the desire to scrutinize the events that took place two hundred years ago in order to try to understand why the scions of the highest nobility staged a coup and planned, to begin with, to exterminate the whole family of the Emperor.

Введение

Николай Павлович Романов, российский император Николай I (годы жизни: 1896–1855, годы правления: 1825–1855) — значительнейший персонаж истории XIX века, и необходимо сразу сказать, что он один из самых оболганных и оклеветанных правителей Российской империи. Впрочем, не он первый, не он последний — из тех, кто правил Россией и был оболган и оклеветан.

Оглядываясь на два столетия назад, легко можно увидеть: исполнение императорских обязанностей в России — занятие смертельно опасное (впрочем, не менее опасным оно было и в крупных европейских монархиях, например во Франции и в Англии). В результате дворцового переворота заговорщиками был убит отец Николая I, император Павел I. Другие заговорщики еще раньше убили деда Николая I, Петра III. Страх и вина в смерти отца, Павла I, всю жизнь преследовали Александра I. Заговорщиками-декабристами едва не был убит сам Николай I. А если заглянуть в его будущее — то увидим, что его сына, Александра II, тоже убьют заговорщики, только уже не из дворцовых коридоров, а из революционного подполья, в результате седьмого-восьмого по счету покушения. Внука Николая I, императора Николая II, убьют взявшие власть большевики, а его пятерых детей, правнуков Николая I, истребят под корень, как то и намеревались осуществить со всей императорской фамилией, где бы она ни находилась, «Дети Декабря» — как декабристов часто называют историки, и как они порой называли себя сами.

Итого Петр III прожил 34 года, Павел I — 46 лет, Александр I — 48 лет, Николай I — 59 лет, Александр II — 63 года, Александр III — 49 лет, Николай II — последний император России, всего 50 лет, цветущий для мужчины возраст. Наследник российского престола, царевич Алексей, был убит в возрасте 14 лет. Среди российских императоров XIX столетия долгожителей нет.

В последние десятилетия становится все более очевидным стремление к объективным, вернее сказать, к справедливым оценкам личностей русских царей, в том числе личности Николая I и его тридцатилетнего правления, которое началось с тяжелого потрясения — мятеж декабря 1825 года закончился другим, не менее тяжелым потрясением, Крымской войной (1853–1855). Отношение к императо-

ру и его правлению во многом зависело прежде и зависит теперь от исторических оценок этих двух событий, а на оценки всецело влияла и влияет пресловутая политическая целесообразность, с ее приемами манипуляции, выборочного (удобного и выгодного) цитирования, замалчивания положительного, выпячивания негативного, произвольной редукции высказываний и т.п.

Трактовки и толкования

Так сложилось, что оценки личности Николая I перевирались со ссылкой на те или иные высказывания А.С. Пушкина, что придавало им особую убедительность. Так, 21 мая (2 июня) 1834 года А.С. Пушкин записал в своем дневнике: «Кто-то сказал о государе: „Il y a beaucoup de praporchique en lui, et un peu du Pierre le Grand“» [15, с. 333]. Однако из этой дневниковой фразы, где о Николае I сказано: «В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого», — при ее цитировании часто выпадает главное: про царя Николая, производя его в младший офицерский чин, сказал *кто-то, не Пушкин*, который, скорее всего, не помнил автора высказывания. Получалось, что это Пушкин так связывал о царе.

Самодельная пушкинистика пыталась трактовать юношескую «вольную» лирику поэта в «правильном» (революционерском) русле. Так, оду «Вольность» (1817) с ее радикальными строками «Самовластительный Злодей! / Тебя, твой трон я ненавижу, / Твою погибель, смерть детей / С жестокой радостью вижу» [16, с. 135] предлагалось понимать не как протест против тирании Наполеона, якобинского террора, казни Людовика XVI, а как революционный протест против Николая I, хотя в ту пору Николай Павлович еще не занимал российский трон и даже не помышлял о нем. Самое отвратительное в таком прочтении было то, что пушкинскими строками самозванцы от пушкинистики стремились оправдать зверское убийство большевиками Николая II и его семьи.

В ближнем круге поэта было известно, что в связи с его смертью Николай I высказался в том духе, что, мол, *Пушкин умер и, слава богу, он умер христианином, то есть успел исповедаться, снять прилюдно с жены обвинения и благословить детей*. В советской пушкинистике, особенно в популярном ее формате, фразу можно было встретить

в такой редакции: «Пушкин умер, и слава богу». То есть царь представлялся нравственным монстром, каким он никогда не был. Николая I обвиняли в том, что он узурпировал роль пушкинского цензора. Однако поэт относился к царю-цензору иначе. «Царь освободил меня от цензуры, — писал Пушкин Н.М. Языкову 9 ноября 1826 года. — Он сам мой цензор. Выгода, конечно, необъятная. Таким образом, „Годунова“ тиснем» [18, с. 168]. Трагедия «Борис Годунов», которую Пушкин написал в 1825 году, читал отрывки царю при первой встрече, была опубликована в самом конце 1830-го, и уже в начале февраля 1831-го поэт писал Е.М. Хитрово, своей приятельнице: «Вы говорите об успехе „Бориса Годунова“: право, я не могу этому поверить. Когда я писал его, я меньше всего думал об успехе. Это было в 1825 году — и потребовалась смерть Александра, неожиданная милость нынешнего Императора, его великодушие, его широкий и свободный взгляд на вещи, чтобы моя трагедия могла увидеть свет» [18, с. 653].

Говорить о русских монархах беспристрастно, тем более сочувственно, было не принято; в пушкинистике доминировала революционистская концепция личности поэта — безусловного друга декабристов, певца вольности и противника самодержавия. Высказывания поэта о неприятии революций в расчет не принимались и не цитировались, а если и цитировались, то с поправками, что поэт не то имел в виду и неправильно понят. Хотя в письме к П.А. Вяземскому Пушкин высказался прямо: «Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова. Если бы я был потребован комиссией, то я бы, конечно, оправдался, но меня оставили в покое, и, кажется, это не к добру» [18, с. 163].

Спустя десятилетие автор «Капитанской дочки» (1836) выразился еще определеннее: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» [14, с. 617]. И вот слова, которые в дальнейшем были опущены из текста главы «Арест» и сохранились в черновиках: «Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молодцы и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка» [17]. Упомянув жестокосердых людей, кому не жалко ни чужих голов, ни своей шеи, Пушкин отдавал себе отчет, о ком пишет. Но перетолковывание этой

кристально ясной фразы вошло в обязательный минимум многих пушкинистов.

Тенденции и авторитеты

Остановлюсь на двух ключевых фигурах, чьи оценки личности Николая I и его правления доминировали в XIX и XX столетиях.

Ю.М. Лотман, один из самых ярких культурологов СССР, который преуспел на антимонархическом, революционерском поприще, писал: «Кончилось время Тайного общества, время, когда гражданская твердость была в почете, звание „карбонария“ — лестным, а в обществе ценилась независимость мнений и поступков. Каким будет новое время, никто не знал. Что за человек Николай Павлович, не знала не только Россия, но и дворянское общество. В гвардии его не любили за мелочную жестокость, за пределами казарм гвардейского корпуса им не интересовались. Будущее было неизвестно» [9, с. 156–157].

Замечу: Лотман почти дословно повторяет, не цитируя и не ссылаясь на первоисточник, «рисунок» начала царствования Николая I, предложенный А.И. Герценом в «Былом и думах»: «Николая вовсе не знали до его воцарения; при Александре он ничего не значил и никого не занимал. Теперь всё бросилось расспрашивать о нем; одни гвардейские офицеры могли дать ответ; они его ненавидели за холодную жестокость, за мелочное педанство, за злопамятность» [4, с. 56].

Герцен, один из главных и последовательных ненавистников Николая I, охотно сравнивал портреты обоих величеств, братьев Александра и Николая Павловичей. Вот строки об Александре, на уважении к которому Герцен вырос: «Лицо его было приветливо, черты мягки и округлы, выражение лица усталое и печальное. <...> Он, улыбаясь, поклонился мне» [4, с. 55]. Вот другой брат: «Какая разница с Николаем, вечно представлявшим обстриженную и взлысистую медузу с усам! Он на улице, во дворце, с своими детьми и министрами, с вестовыми и фрейлинами пробовал беспрестанно, имеет ли его взгляд свойство гремучей змеи — останавливать кровь в жилах» [4, с. 55].

Своей острой ненависти к Николаю I Герцен не скрывал. Создавая в лондонской эмиграции роман-мемуары «Былое и думы», сочиняя статьи для лондонской «Полярной звезды», он клялся отомстить за казнь декабристов и положить свою жизнь на алтарь борьбы «с этим

троном, с этим алтарем, с этими пушками» [4, с. 55]. Однако, публикуя в своем журнале гражданские стихи Кондратия Рылеева, Герцен ни словом не обмолвился о бесчестной тактике революционной агитации в солдатских казармах ранним утром 14 декабря 1825 года, когда К. Ф. Рылеев и П. Г. Каховский обманом побудили войска выйти на площадь с оружием в руках и, в общем, на гибель.

Для Лотмана политический и публицистический авторитет Герцена был, надо полагать, неоспорим — трактовку образа Николая I тартуский ученый создавал по герценовским лекалам. Но если эмигрант Герцен хотя бы имел личные основания ненавидеть императора Николая I, то мотивы советского филолога повторять оскорбления были целиком обусловлены политической стилистикой времени.

Прочитую фрагмент из биографической книги Лотмана о Пушкине: «Никто не знал ни мелкой мстительности Николая I, ни того, что 14 декабря заставило его пережить унижительные минуты страха. Этого он никогда не мог забыть и простить поверженным декабристам» [9, с. 158]. Под пером ученого Николай I предстает мстительным трусом.

Однако эти разящие стрелы бьют мимо цели и легко отсекаются. Ведь ради объективности можно было бы упомянуть, как рвался в 1812 году шестнадцатилетний великий князь Николай на войну с Наполеоном, как бомбардировал своего царствующего брата и вдовствующую императрицу, свою мать, просьбами об отправке на войну. Его не пустили, и он был навсегда потрясен «опозданием». «Хотя сему уже прошло 18 лет, — напишет он в 1830-е годы, — но живо еще во мне то чувство грусти, которое тогда нами овладело, и ввек не изгладится» [10, с. 51].

Лотман пишет об унижительном чувстве страха молодого императора, но не упоминает, как тот прощался с женой, полагая, что будет убитым на Сенатской площади, куда 14 декабря выехал верхом на коне, доступный всем пулям и кинжалам. Доподлинно известно, что накануне восстания Николай мог арестовать зачинщиков мятежа, подробными сведениями о которых располагал, но не сделал этого: арест без суда и следствия был не в его правилах. «Производить аресты в момент восшествия на престол, не имея определенных доказательств, было бы столь же неправильно, сколь и рискованно. Надо было

дождаться развития событий» [2], — писал позже А. Х. Бенкендорф, друг и соратник Николая I.

Приведу факты из современной биографии Николая I.

«Военный министр, генерал еще с павловских времен Александр Иванович Татищев, узнав о заговоре утром 13 декабря, „испрашивал соизволения арестовать злоумышленников“, имена которых сделались известными.

— Нет! — ответил Николай. — Этого не делай. Не хочу, чтобы присяге предшествовали аресты. Подумай, какое дурное впечатление сделаем мы на всех.

— Но, — попытался возражать опытный министр, — беспокойные заговорщики могут произвести беспорядки...

— Пусть так, — прервал его Николай, — тогда и аресты никого не удивят; тогда не сочтут их несправедливостью и произволом.

Татищев был не согласен, но не смел возражать...» [11].

События были предоставлены своему естественному ходу. «Воля Божия и приговор братний надо мной свершаются, — писал Николай в одном из писем. — 14 числа я буду или государь — или мертв! Что во мне происходит, описать нельзя; вы верно надо мной сжалитесь: да, мы все несчастливы, но нет никого несчастливее меня» [11].

Отказ произвести аресты заговорщиков накануне мятежа, не давая ему разгореться, — разве это трусость, разве это унижительный страх? Нет, это движение воли и мысли навстречу судьбе.

«Не на полях сражений, а на углу Адмиралтейского бульвара и Сенатской площади состоялось боевое крещение Николая Павловича, — пишет современный автор. — Как вспоминал находившийся рядом Бенкендорф: „Пули свистели со всех сторон вокруг императора, даже его лошадь испугалась. Он пристально посмотрел на меня, услышав, как я ругаю пригнувших головы солдат, и спросил, что это такое. На мой ответ: „Это пули, государь“, — он направил свою лошадь навстречу этим пулям“» [11].

Лотман не приводит ни одного доказательства трусливого поведения Николая I на Сенатской площади и, напротив, избегает называть эпизоды мятежа, когда император до последнего пытался воздействовать уговорами на восставших солдат, обманутых офицерами-заговорщиками. В своем стремлении побольнее задеть императора, тартуский ученый пишет: «Николай I в совершенстве изучил искусство

величественности. Однако на самом деле это был человек, мучимый неуверенностью, мнительный, болезненно переживавший свою посредственность и мучительно завидовавший людям ярким, веселым, удачливым» [9, с. 158].

Однако подлинное поведение декабристов на допросах, когда самые «яркие, веселые и удачливые» торопились назвать как можно больше причастных и не причастных к мятежу, когда оговаривали безвинных, когда унижительно молили о пощаде, не оставляло Николаю Павловичу ни одного шанса «болезненно ощущать свою посредственность».

«Расправа с декабристами, — пишет Лотман, — могла быть продиктована политическими соображениями, но в непонятной для современников мстительности, мелочном преследовании уже совершенно не опасных ему врагов крылось другое: император все еще завидовал этим когда-то блестящим, удачливым, ярким, насмешливым офицерам предшествующего царствования, при свете ума которых он, не одаренный, необразованный и неостроумный, уходил в непролицаемую тень. Николай Павлович знал, что его нельзя любить, — он хотел, чтобы его боялись» [9, с. 158].

Число тех декабристов, кого Николай I счел мало причастными к мятежу и отпустил восвояси; количество заведенных на «Детей Декабря» дел, оставленных императором «без внимания»; особые случаи с А.С. Грибоедовым, А.А. Дельвигом и многими другими, на кого указали арестованные участники, активно сотрудничая со следствием, красноречиво опровергают тезис как о мстительности Николая I, так и о его зависти к «блестящим, удачливым, ярким, насмешливым офицерам» — ведь это они, *удачливые и блестящие*, преступным обманом вывели неграмотных доверчивых солдат на площадь. Факт, о котором глухо молчали и Герцен, и Лотман, и советские учебники истории, никак не способствовал уважению к заговорщикам, тем более зависти им.

Время опровержений

С репутацией Николая I, младшего брата Александра I, чье место на российском троне он, сам того не желая, должен был занять по воле сложившихся обстоятельств, его современники и поздние критики

не церемонились. Заговор с целью захватить власть редко движим честными намерениями и еще реже имеет в своей основе *правду как ресурс*. Заговор 14 декабря 1825 года был направлен лично против Николая, которому бездетный Александр I завещал российский трон по праву наследования. Но был пущен слух, что покойный царь завещал освободить крестьян от крепостной зависимости, сократить до 15 лет (вместо 25) солдатскую службу, что брат Константин Павлович, подписавший отречение, согласен с завещанием брата Александра, что Николай этому препятствует и намерен отстранить Константина и его «жену Конституцию» от власти.

Но Николай не добивался власти, а жертвовал ею, первым присягнув Константину. Однако именно в узурпации власти, в сокрытии настоящего завещания обвинили его заговорщики. Советские историки обычно упоминали, что члены тайного общества вечером накануне восстания *вели агитацию среди солдат в их казармах*. Однако содержание агитационных призывов не раскрывалось. Метод *откровенной и сознательной лжи* позже будет положен в основу доктринальных документов русских нигилистов.

Николай Павлович, 29-летний император, ощущал себя несчастнейшим из всех несчастных. Мятеж, исполненный силами представителей знатных дворянских родов, выглядел в его глазах событием чудовищным. Большинство мятежников вынашивали замысел поголовного истребления царской семьи с женщинами и детьми, где бы они ни находились, а на Сенатской площади должны были убить его самого.

Освобождаясь от политической конъюнктуры и классового подхода (согласно которому полагалось чернить и порочить царскую власть), сегодняшние биографы Николая I и других царствовавших на российском престоле персон стремятся описывать их справедливо. «Николай, который сам едва не погиб, встретившись с повстанцами прямо на петербургской улице, не испытывал восторга от силовой ликвидации выступления. <...> В советский период император Николай представлялся этаким кровавым маньяком, с упоением наслаждавшимся расправой над бунтовщиками. На деле ничего похожего — монарх максимально снисходительно подошел к государственным изменникам. По действующим законам за покушение на особу государя полагалось четвертование, за участие в подобном заговоре

повешение. В итоге же четвертование Николай исключил полностью, а на виселицу отправили лишь пятерых наиболее активных инициаторов восстания. Но либеральные круги российского общества и это сочли страшным злодеянием» [19].

Не отрицая многих ошибок и просчетов тридцатилетнего пребывания Николая I на российском престоле, о чем «с нажимом» писали советские историки, сегодняшние биографы просят о снисхождении. «То, что он не трус, Николай показал 14 декабря. То, что он не тиран, император намеревался показать организацией политического процесса. Его порыв немедленно покарать виновных уступил место стремлению провести максимально тщательное и объективное следствие, а затем устроить суд. Хотя император мог... составить из членов Следственного комитета военный трибунал и „решить дело“ в 24 часа без помощи ученых законовеев. Просто вызвали бы военного аудитора, который указал бы на статью Устава, по которой кадровые военные, вышедшие с оружием в руках против государственной власти, должны бы были быть „аркебузирваны“, — и все закончилось бы скорым расстрелом» [11].

Николай I, если помнить об обстоятельствах его *внезапного* восшествия на престол, представляется фигурой трагической. Борьба за престол, когда два брата боролись друг с другом не за то, чтобы царствовать и править, а за то, чтобы *не* царствовать и *не* править, оказалась единственной в своем роде. Ведь когда умер Александр I и встал вопрос о наследнике, российский придворный дипломат граф А.И. Рибопьер назвал борьбу за престол «единственной в летописях истории борьбой двух братьев из-за того, кому не царствовать», «борьбой великодушной, но пагубной» [6, с. 14].

Николай Павлович проявил неслыханное великодушие, присягнув брату, но его обвинили в том, в чем он не был виноват. Заговорщики, погрязшие в обмане, вышли из истории мятежа рыцарями свободы, а царь, применивший к ним наказание, минимальное из возможного по закону, прослыл тираном и деспотом, завистником и душителем свободы.

Единицы из писавших о нем, судивших его, ненавидевших его, проклинавших его, желавших ему смерти от ножа, пули или петли, принимали во внимание все обстоятельства тридцатилетнего тяжелейшего царствования: русско-персидская (1826–1828) и русско-турецкая

Правда и ложь в исторических репутациях. Образ императора Николая I в отечественном кинематографе

войны (1828–1829), Польское восстание (1830–1831), революция во Франции (1848), дело петрашевцев (1849), Крымская военная кампания (1853–1856).

И тем не менее за тридцать лет было сделано немало: составлено Полное собрание законов Российской империи и Свод законов Российской империи (1833); в результате реформ графа П.Д. Киселева улучшено положение государственных крестьян (около 50% населения империи); облегчено положение крепостных крестьян (35–45% населения), получивших право владеть землей, вести предпринимательскую деятельность и передвигаться по империи; основано массовое крестьянское образование (с 60 школ в 1838 году до 2551 школы в 1856 году); открыты высшие технические и иные высшие учебные заведения; в десятки раз выросла промышленность; ускоренно развивалось инженерное дело [20].

Советские киномифы

Трудно представить себе, сколько современников Николая I, а также критиков советского времени ставили своей задачей создать «черный» миф о нем. Но даже самый стойкий миф, если в его основе лежит ложь, не сможет выдержать перемену общественного климата, что наглядно показал киноэкран, щедро использовавший образ Николая I.

За сто двенадцать лет отечественный кинематограф (Российская империя, СССР, Российская Федерация), с 1910 по 2022 год, создал без малого 50 картин, разного содержания, качества и достоинства. В подавляющем большинстве картин Николай I — персонаж второго плана, чье короткое, порой минутное появление в кадре — необходимый атрибут биографий его современников: поэтов, писателей, композиторов, бунтовщиков-заговорщиков. Среди тридцати актеров, сыгравших Николая I в отечественном кино, — Владимир Гайдаров, Борис Ливанов, Михаил Названов (два фильма), Владислав Стрельчик (пять фильмов), Сергей Полежаев (два фильма), Василий Ливанов, Юрий Богатырев (два фильма), Марис Лиєпа, Юрий Яковлев, Эрнст Романов, Михаил Боярский, Борис Плотников (два фильма), Юрий Макаров (два фильма), Марат Башаров, Виктор Вержбицкий (два фильма) и другие.

Обратимся к картинам, где Николай I не только фигурирует как автор манифестов и уставов, но существует на экране как активное действующее лицо со своими высказываниями и поступками.

Первый же фильм-биография навсегда связал жизнь Пушкина с неперенным присутствием в ней императора Николая I. В сорокасекундном эпизоде картины «Жизнь и смерть Пушкина»⁽¹⁾, снятой в 1910 году на студии «Гомон» В.М. Гончаровым, поэт читает царю в его кабинете свои стихи, а тот одобрительно хлопает автора по плечу. Поэт, приложив руку к сердцу в знак благодарности, уходит, оставляя Николаю I свои листки. В финальной сцене «Смерть Пушкина 29 января 1837 г.» показано, как к смертельно раненному поэту приходит посыльный офицер с письмом от императора Николая I и В.А. Жуковский у постели умирающего читает письмо вслух. Зрители могут прочесть титр: «Если Бог не велит нам увидеться, посылаю тебе мое прощание и вместе мой совет — исполнить долг христианский. О жене и детях не беспокойся, я беру их на свое попечение». Пушкин выхватывает письмо и целует его. Пульс пропадает, доктор слушает грудь. Все, жизнь кончена.

Образ поэта, кланявшегося царю на аудиенции, целовавшего бумагу с царскими милостями, антимонархически настроенные зрители не приняли. Пушкинская пятиминутка была сочтена реакционным кинематографическим лубком⁽²⁾.

Биографы поэта хорошо знали, что умирающий просил Жуковского передать царю пожелание *долгого царствования, счастья в его сыне, счастья в его России*. Было известно, что перед смертью Пушкин сказал друзьям: *жаль, что умираю: весь его был бы*. Но кинематограф сопротивлялся и в своей советской ипостаси стремился доказать, что Пушкин — борец с тиранией, что истинный виновник гибели

поэта — царский режим и тот, кто восседал на троне. Факты, которые противоречили такой трактовке, уходили в тень. Пушкинское стихотворение «Друзьям» (1828), ломающее генеральную линию («Нет, я не льстец, когда царю... / Хвалу свободную слагаю: / Я смело чувства выражаю, / Языком сердца говорю. / Его я просто полюбил: / Он бодро, честно правит нами; / Россию вдруг он оживил / Войной, надеждами, трудами»)⁽³⁾, цитировали крайне неохотно. Редко сообщалось, что Николай I сдержал слово, данное умирающему поэту: семья была обеспечена, личные долги Пушкина уплачены; заложенное имение его отца очищено от долга; назначен пенсион вдове и дочерям по замужеству; сыновья определены в пажи с выплатой по 1500 р. на воспитание каждого по вступлению на службу. А также велено издать сочинения на казенный счет в пользу вдовы и детей; выплачено семье единовременно 10 000 р.; за счет казны погашена ссуда в размере 45 000 р., взятая Пушкиным. Вдове было выдано единовременное пособие в размере 50 000 р. для издания сочинений мужа, при этом прибыль направлялась на учреждение капитала покойного [13].

В 1918 году Яков Протазанов снял немой фильм по повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей». До революции экранизация повести была невозможна: цензура запрещала изображать в художественных картинах членов царской семьи и представителей духовенства. Впервые в русском кино образ Николая I (Владимир Гайдаров) имел не номинальное, а функциональное значение: невеста героя картины, князя Степана Касатского (Иван Мозжухин), графиня Мэри Короткова (Вера Джанеева), одна из любимых фрейлин императрицы, до времени скрыла от своего жениха, что была любовницей царя. Император Николай I здесь чопорный, холодный, бесчувственный субъект, рекомендуемый своей, по-видимому, уже надоевшей любовнице найти себе мужа.

Спустя шестьдесят лет после немого «Отца Сергия» Игорь Таланкин снимет звуковой фильм с Владиславом Стрельчиком (1979). Его Николай I, по-хозяйски ухаживающий на балу, при императрице, за фрейлиной и своей любовницей (Валентина Титова), карикатурно

(1) Это единственная ранняя картина из пушкинской серии, сохранившаяся с подлинными надписями и доступная для просмотра (вступительные титры были восстановлены в Госфильмофонде).

(2) Спустя полвека об этой картине написал С.С. Гинзбург: «Пушкин был изображен вертлявым и суевливым человечком с манерами коммивояжера. Травля Пушкина придворной камарильей в фильме была начисто обойдена, а причины его дуэли с Дантесом оставлены без объяснения. Но все-таки самое отвратительное в фильме составляла сцена в придворном обществе, в которой артист В. Кривцов изображал Пушкина с лакейской угодливостью изгибающимся перед вельможами» [5, с. 115].

(3) Б.В. Томашевский, автор примечаний к тому сочинению Пушкина, писал: «Стихотворение было представлено Николаю I, который надписал на нем: „Cela peut couir, mais pas être imprimé“ („Может ходить по рукам, но нельзя печатать“») [14, с. 884–885].

Ил. 1. Василий Ливанов в роли Николая I. «Звезда пленительного счастья», режиссер В. Мотыль, 1975

скачет и подпрыгивает, неуклюже вращает в мазурке свое полное тело и намекает девице, что и в замужестве не оставит ее своим вниманием. Стрельчик снимался еще в четырех картинах 60-х годов: «Сон», «Третья молодость», «Зеленая карета», «Последние дни», — став самым узнаваемым и на время каноническим Николаем I.

Но вернемся к нему кинематографу. В 1927 году в СССР на студии «Совкино» в Ленинграде В.Р. Гардин и Е.В. Червяков сняли полнометражную картину «Поэт и царь», назвав ее «трагедией в 8 частях».

Николай I (Константин Каренин) предстает настойчивым, властным воздыхателем, претендующим на интимное расположение первой красавицы Петербурга Натальи Пушкиной (Ирина Володко). На глазах у придворного Петергофа он обхаживает ее, увлекая в укромные уголки парка. Быстро добившись благосклонности дамы, царь вынужден соблюдать приличия и скрывать свой роман, поэтому прибегает к услугам светского повесы Дантеса (Борис Тамарин). Николай по-

кровительствует ловеласу в его притворном увлечении женой поэта, направляя слухи и сплетни двора в ложную сторону. Дантес послушно выполняет назначенную ему роль, не слишком понимая, что стал пешкой в руках всемогущего государя — верховного кукловода.

Тема пресловутого любвеобилия (сластолюбия) императора Николая I, его склонности иметь и менять безотказных возлюбленных (существования гарема при царском дворе) пришла в кинематограф не без помощи пушкинистов. Один из самых именитых, П.Е. Щёголев (1877–1931), писал: «Пушкина и ей подобные красавицы-фрейлины и молодые дамы двора — не только ласкали высочайшие взоры, но и будили высочайшие вожделения. Для придворных красавиц было величайшим счастьем понравиться монарху и ответить на его любовный пыл. Фаворитизм крепко привился в закрытом заведении, которым был царский двор» [21, с. 369–370]⁽⁴⁾.

Сегодня подобные представления категорически отвергаются. «Некоторые знатоки (П.Е. Щёголев), — пишет историк А.Н. Боханов, — в пылу антимонархического угара, стараясь доказать „развратный характер“ Николая I, не стеснялись намекать на интимную близость Царя и жены Пушкина Натальи Николаевны (урожденная Гончарова, во втором браке Ланская, 1812–1863). Подобная мифическая „связь“ якобы и стала главной причиной дуэли и смерти Поэта. Данные намеки не только совершенно бездоказательны, но и, скажем прямо, омерзительны» [3].

Однако мир большого света был устроен таким образом, что в пикантный и скандальный адюльтер верилось охотнее, чем в супружескую верность, ибо в любом случае скандал для публики *интереснее*. Добропорядочность и честность жены Пушкина отвергается ради легенды, которую, если ее не обнаруживают в реальности, легко сочиняют. А сплетня, как и легенда, не нуждается в доказательствах, достаточно намерений авторов.

В 2013 году в издательстве «Алгоритм» вышла книга известного экономиста-рыночника академика Н.Я. Петракова (1937–2014) «Пушкин целился в царя. Царь, поэт и Натали». Десятью годами раньше появилась его первая книга на пушкинскую тему «Последняя игра

⁽⁴⁾ Первое издание книги вышло в 1916 году, и с тех пор она часто переиздавалась.

Александра Пушкина» (Москва, 2003). Обе книги были признаны критикой *сенсационными*. По версии академика, роман Н.Н. Пушкиной с Николаем I был бурным, страстным и продолжительным, Дантес же был назначен царем записным кавалером жены Пушкина для отвода глаз. Пушкин догадывался, кто его истинный соперник, и жестоко страдал от ревности, ибо отлично знал принципы «иерархического эротизма» в самодержавно-крепостнической России. Он сам признавал «естественное» право на сожительство с крепостными девицами и неоднократно пользовался таким правом. Девица должна была почитать барскую милость за благодать. При дворе в роли барина выступал император, а в роли крепостных девиц — все без исключения дамы высшего света, а также все допущенные ко двору лица женского пола [12].

Как видим, ничего сенсационного в версии академика Петракова нет — немой фильм 1927 года с интригой императора Николая I, затеянной им против первого русского поэта, на 75 лет опередил книжные версии, которые остаются областью предположений и домыслов, но не сферой достоверных фактов. Доказать «математически» истинность выдвинутых версий невозможно, ибо многое в них строится на произвольных допущениях и догадках, на «логических» построениях. Хотя в делах любовных людей далекого прошлого какая может быть логика? Никто из ныне живущих официальных и неофициальных пушкинистов не может с уверенностью утверждать наличие или отсутствие любовной связи между лицами, жившими 200 лет назад, если эти лица сами в этом в свое время не сознались, не оставили письменных признаний, истинность которых, в свою очередь, тоже нуждалась бы в дополнительной тщательной проверке.

В любом случае, жизнь Николая I и связанная с ней (отчасти, конечно) судьба последних лет жизни Пушкина остаются магнитом для сочинителей версий, интерпретаций, трактовок, в том числе воплощенных на театральной сцене и киноэкране.

В духе сказки

Первые немые картины смогли охватить значительное число исторических тем и сюжетов, к которым имел отношение Николай I. В 1911 году на экраны вышел русский игровой полнометражный

фильм о Крымской (Восточной) войне, который стал важной вехой в истории отечественного кинематографа. Он открывался кинопортретами императоров Николая I и Александра II, а также руководителей и героев обороны Севастополя. Для собрания Госфильмофонда был подготовлен, однако, сокращенный монтаж фильма, из которого были удалены все эпизоды религиозного и монархического содержания.

Не повезло и теме, связанной с событиями 14 декабря 1825 года. К столетию восстания декабристов был снят черно-белый полнометражный (99 мин.) немой фильм «Декабристы» (1926) режиссера А.В. Ивановского, написавшего сценарий вместе с П.Е. Щёголевым. Историко-биографическую драму населяют около двадцати действующих лиц: оба императора (Александр I и Николай I), великий князь Константин, восемь самых известных декабристов, их жены и подруги. Сам мятеж, как и его предыстория, представлены как фон, на котором разворачивается любовная история декабриста Ивана Анненкова (Борис Тамарин) и французской модистки Полины Гёбль (Варвара Анненкова⁽⁵⁾). Журнал «Советское кино» сердито раскритиковал картину, утверждая, что несмотря на эффектные театральные сцены и богатый антураж, декабристы имеют к фильму стороннее отношение, а их история увидена как будто из окна модного магазина, где служила продавщицей француженка Полина Гёбль [7, с. 31].

Хорошо известно, что кинематограф обращается к историческим событиям чаще всего в связи с их юбилеями. Прошло полвека после немых «Декабристов», и к 150-летию восстания Владимир Мотыль снял двухсерийную цветную картину «Звезда пленительного счастья» (1975), в центре которой снова оказалась красивая любовная история декабриста Ивана Анненкова (Игорь Костолевский) и француженки Полины Гёбль (Эва Шиккульска). Несколько поколений зрителей увидели в фильме, помимо героической сказки в исполнении лучших актеров своего времени, вдохновенную историю о славном племени отважных борцов за свободу и счастье народа. Понятным было желание авторов картины изобразить декабристов рыцарями без страха и упрека — побудить их дерзить Николаю I (Василий Ливанов), кото-

(5) Немецкая актриса русского происхождения (псевд. Барбара фон Анненкофф), правнучка Прасковьи Анненковой, была приглашена в СССР для съемок в фильме «Декабристы», где сыграла роль Полины Гёбль, своей прабабушки.

Ил. 2. Владислав Стрельчик в роли Николая I. «Отец Сергей», режиссер И. Таланкин, 1978

рый показан холодным, трусливым и мстительным тираном, таким, каким его изображал Герцен, но каким Николай Павлович не был.

Когда в картине В.Я. Мотыля император иезуитски вкрадчиво пытается вытащить важные подробности восстания у Кондратия Рылеева (Олег Янковский), тот с вызовом отвечает: «На товарищай доносить нечестно!» Пафос авторов картины совершенно ясен, но, как ни жаль, он полностью противоречит фактам: декабристы не были байроническими героями. Уже вечером 14 декабря 1825 года арестованный Кондратий Рылеев, опережая вопросы следственной комиссии, торопился донести, что в полках около Киева существует крупнейшее тайное общество во главе с полковником Пестелем; позже поэт продолжал называть новые и новые имена.

Не буду подробно касаться давно замеченных неточностей, крупных и помельче: генералу М.А. Милорадовичу Каховский стрелял в спину, а не в грудь; никто из декабристов не смел обзывать царя «свиньей», не было грубой кулачной расправы царского сатрапа с Иваном Анненковым на его свадьбе с Полиной Гёбль и т.д. [22, с. 5]. Трудно, однако, отрешиться от бремени реальных тяжелых

сцен и деталей, от трезвого понимания, что есть история правдивая, чаще всего неприглядная, есть история приукрашенная и есть история перекрашенная. О фильме Мотыля, с прекрасной музыкой Исаака Шварца, чудесным романсом Булата Окуджавы «Кавалергарды, век недолог...», хочется сказать одно: как хорошо было бы, если бы история мятежа «Детей Декабря» была похожа на эту сказку, а не на бль, которая открывается, если внимательно изучать исторические документы и следовать им хотя бы в главных пунктах.

Новые подходы

Новые ветры в изучении истории, не подчиненные прежним установкам, пробудили у кинематографа, особенно у документального и документально-игрового, желание всмотреться в те далекие события и попытаться понять, зачем представители лучших дворянских родов устроили бунт с намерением истребить всю императорскую фамилию.

В 2013 году вышел проект «Романовы», приуроченный к 400-летию воцарения на Руси дома Романовых, который сочетает в себе элементы и игрового, и документального кино, информационной графики и анимации. История рассказывает о том, что представляло собой русское самодержавие как система управления, каковы ее недостатки и преимущества, какую роль монархи дома Романовых играли в событиях российской и мировой истории. При помощи графики создается максимально исторически достоверная картина, которая погружает зрителя в атмосферу и ощущение времени и позволяет увидеть царя глазами современников. Нет ничего удивительного в том, что личность и поступки императора Николая I рассматриваются с точки зрения исторической подлинности, а не политической конъюнктуры, через оптику документа и факта.

В 2016 году под эгидой Российского военно-исторического общества был создан документально-игровой исторический двухсерийный фильм режиссера Максима Беспалого «Дело декабристов». Пошагово и поминутно анализируются ключевые моменты мятежа: обман офицерской верхушкой нижних чинов относительно цели бунта; роль героя войны 1812 года генерала-адъютанта Александра Христофоровича Бенкендорфа (Антон Багмет) в проведении следственных дел (он знал о существовании тайных обществ и успел предупредить

о том императора Александра I); предательство руководителя восстания полковника Сергея Трубецкого (Петр Лойко), скрывшегося в доме австрийского посла, своего родственника; попытка генерала Милорадовича (Андрей Благодославенский) уговорить солдат покинуть площадь. И уже прозвучало солдатское «ура» в честь генерала, участника 55 сражений, но в этот момент князь Евгений Оболенский вонзил винтовочный штык генеральскому коню в бок, одновременно пулей был смертельно ранен сам генерал.

Это была первая кровь, пролили ее заговорщики — несмываемое пятно на репутации восставших. Цена вопроса: 1271 погибший, среди которых 970 зевак, 282 солдата, 18 офицеров, 1 генерал.

Кажется, впервые в полном согласии с фактами фильм показал поведение Николая I (Артем Ефремов), его отвагу и мужество на Сенатской площади, когда он взглядом остановил заговорщика Александра Якубовича, целившегося в него в упор. Важно знать, что следствие не стремилось во что бы то ни стало найти у подозреваемых провинностей больше, чем их реально было, а сам Бенкендорф не скрывал своего сочувствия ко многим, с кем служил и дружил, кого хорошо знал. На основании многих документов фильм свидетельствует, как по-разному вели себя на допросах заговорщики — так, поэт Александр Одоевский (адресат пушкинских строк «Во глубине сибирских руд» и автор ответного стихотворения «Струн вещей пламенные звуки...») предлагал себя в дознаватели, поскольку знает многих и многое, чего другие не знают. «Я хочу, чтобы Европа узнала истину, — скажет 20 декабря Николай I, собрав в Зимнем дворце весь дипломатический корпус. — Ничего не будет утаено».

Фильм высветит личность Павла Пестеля, замешанного в крупных финансовых махинациях и доносите́льстве, расскажет о его намерении создать «когорту обреченных» — тех, кто готов убивать женщин императорской фамилии, а потом казнить убийц и этим снять с себя все подозрения. Подробно анализируется программный документ Южного общества — «Русская правда», с ее замыслом ввести в стране военную диктатуру.

В списках, составленных на основании признаний заговорщиков, насчитывалось 579 имен, но оказалось, что большая часть фигурантов были оговорены: непричастных к делу — 178, привлеченных по ошибке — 18, умерших задолго до восстания — 22, доносчиков — 18,

привлеченных по ложным доносам — 107. Арестовали 259 человек, из которых многие были сразу же отпущены как непричастные к заговору и получили денежную компенсацию.

Под наплывом неопровержимостей привычная со школьных лет картинка, где благородные романтические герои противостоят кровавому царскому режиму, — эта картинка лишается сияющего ореола, покрывается пятнами и пятнышками. Проступает изнанка...

Документальные картины последних лет стремятся, опираясь на факты, показать, какой на самом деле была николаевская эпоха со всеми ее минусами и плюсами, как создавался Свод законов Российской империи, какими мыслились новые государственные институты, как работало пресловутое Третье отделение императорской канцелярии, занимавшееся сыском по политическим делам, а также осуществлявшее надзор за революционерами. (Численный личный состав «охранки» был ничтожно мал: в 1826 году — 16 человек, в 1829-м — 20, в 1841-м — 27, в 1856-м — 31.) Современная кинодокументалистика доказывает, что Николай I вовсе не был «неодаренным и необразованным» [9, с. 158] — императора интересовала прежде всего передовая инженерная наука, которой он успешно обучался. Именно его инженерная предусмотрительность не позволила гитлеровцам век спустя захватить столицу, к которой они подошли на расстояние в 40 километров; так что спасти Москву могло только чудо.

«И чудо произошло, — повествует документальный фильм „Николай I. Часовой империи“. — 77 отборных фашистских дивизий, более миллиона солдат были отброшены от столицы. Разъяренный Гитлер слушал объяснения своих генералов: „Мы не успели завезти зимнее обмундирование и боеприпасы“. И это правда. Группа армии „Центр“, наступавшая на Москву, не смогла получить более 30% необходимых грузов. Причина — пробки на железных дорогах из-за разницы в размерах колеи. Приходилось переобувать поезда, чтобы они могли проехать по нашим железным дорогам, которые шире европейских на 89 миллиметров. Но мало кто тогда вспоминал, кого нужно благодарить... Император Николай I, который называл себя „часовой империи“, именно с этой целью утвердил особый размер колеи, в том числе для того, чтобы затруднить продвижение по стране вражеских войск. Век спустя это предвидение смогло спасти столицу».

Ил. 3. Иван Колесников в роли Николая I. «Союз спасения», режиссер А. Кравчук, 2019

В документальном кино последних лет рассказывается об исключительном трудолюбии Николая I, ежедневно начинавшего работу с семи часов утра и работавшего до позднего вечера, императора, который вел аскетичный образ жизни и не любил показную роскошь. Понимая, как опасна для империи слабая власть, он укреплял собственную власть всеми силами, не терпя инакомыслия, подавляя малейшие проявления бунта (ибо уже один раз столкнулся с русским бунтом лицом к лицу). Признавая свою неспособность справиться с коррупцией, сам был честнейшим человеком. Не побоялся лично усмирить холерный бунт, вспыхнувший в Санкт-Петербурге. Работал на износ, замкнув на себя все дела в империи, стремясь объять необъятное. Очень подвело его и такое качество, как честность, похвальное для обычного человека, но опасное для политика, ибо другие не отвечают тем же. Честная политика как раз и привела к Крымской войне.

Новый российский военно-драматический фильм режиссера Андрея Кравчука «Союз спасения» (2019), а также восьмисерийная картина режиссеров Никиты Высоцкого и Ильи Лебедева «Союз спасения.

Правда и ложь в исторических репутациях. Образ императора Николая I в отечественном кинематографе

Ил. 4. Александр Домогаров в роли генерала Милорадовича. «Союз спасения. Время гнева», режиссеры Н. Высоцкий, И. Лебедев, А. Кравчук, 2022

Время гнева» (2022), ставшая продолжением и расширенной версией «Союза спасения», повествуют о декабрьском мятеже 1825 года как об огромном трагическом событии, где русские стреляют в русских, свои убивают своих. Нет былой романтики; очень спорен вопрос о героизме; действия руководителей мятежа, обманом выведших солдат на площадь и виновных в большой крови, показаны в соответствии с фактами, какими бы горькими они ни были. В обеих картинах в роли Николая I снялся актер Иван Колесников. Сам выбор актера на роль оболганного и оклеветанного царя красноречив: зрители увидели не «медузу с усами» (каким Николая I рисовал Герцен), не труса в обличье тирана (как об этом писали многие советские авторы), а личность трагическую, не желавшую власти, но вынужденно принявшую ее, не желавшую крови, но поставленную в обстоятельства, где требовалась решимость, ибо слабости на троне история не прощает.

Впрочем, единодушия в оценках «Союза спасения» и его расширенной версии, как того и следовало ожидать, не получилось. Для одних — это «клевета на лидеров декабристского восстания», для

других — «отсылка к современному протестному движению и цветным революциям» [8].

В любом случае, тема декабрьского мятежа 1825 года и всех его участников остается горячей и 200 лет спустя.

Заключение

В своем завещании Николай I написал: «Благодарю всех меня любивших, всех мне служивших. Прощаю всех, меня ненавидевших. Прошу всех, кого мог неумышленно огорчить, меня простить. Я был человек со всеми слабостями, коим люди подвержены; старался исправиться в том, что за собой худого знал. В ином успевал, в другом нет; прошу искренне меня простить. Я умираю с благодарным сердцем за все благо, которым Богу было угодно на сем преходящем мире меня наградить; с пламенной любовью к нашей славной России, которой служил, по крайнему моему разумению, верой и правдой; жалею, что не мог произвести того добра, которого столь искренне желал. Сын мой меня заменит. Буду молить Бога, да благословит его на тяжкое поприще, на которое вступает, и сподобит его утвердить Россию на твердом основании страха Божия, дав ей довершить внутреннее ее устройство, и отдаляя всякую опасность извне» [11].

Поэт Серебряного века Михаил Цетлин (1882–1945), писавший под псевдонимом Амари (фр. à Marie — для Марии), уже после революции, находясь в эмиграции, создал девятичастную поэму «Россия Николая». Император показан и в дни воцарения, и в годы могущества, и на смертном одре.

На низкой походной кровати,
На которой всегда он спал,
Средь слез семьи и объятий
Император умирал.

В последние мгновения своей жизни он думает об обороне Севастополя и восстании декабристов как о главных — самых трудных — периодах своего царствования:

«Молчите про Севастополь!..
А душа еще там, всё там...
Редуты, курганы, окопы,

Правда и ложь в исторических репутациях. Образ императора Николая I в отечественном кинематографе

Я их строил когда-то сам.
Камчатский редут Тотлебен
По моим чертежам возвел.
Обо всем дам отчет на небе...
Смолк, ослаб и в себя ушел.
И готовясь к докладу, к приему
Перед тронном другого Царя,
Вспомнил, может быть, сквозь полудрему
Про далекий день Декабря... [1]

Судя по историко-биографической тенденции последних лет, можно ожидать новых серьезных экранных воплощений образа Николая I, как и покушавшихся на его жизнь «Детей Декабря».

Правда и ложь в исторических репутациях. Образ императора Николая I в отечественном кинематографе

Список литературы:

- 1 *Амари*. Россия Николая // Stihozha.ru. URL: <https://stihozha.ru/amari/rossiya-nikolaya/> (дата обращения 13.09.2023).
- 2 *Бенкендорф А.Х.* Восстание 14 декабря 1825 года / Публ. А. Литвина // Звезда. 2007. № 4. URL: <http://www.zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=740> (дата обращения 13.07.2023).
- 3 *Боханов А.Н.* Царь и Поэт (император Николай I и А.С. Пушкин) // Православный апологет. Богословский комментарий на некоторые современные непросые вопросы вероучения. № 6. URL: <https://apologet.spb.ru/ru/2044.html> (дата обращения 14.07.2023).
- 4 *Герцен А.И.* Сочинения: В 9 т. Т. 4: Былое и думы. М.: ГИХЛ, 1958. 492 с.
- 5 *Гинзбург С.С.* Кинематография дореволюционной России. М.: Искусство, 1963. 406 с.
- 6 *Записки графа Александра Ивановича Рибоьера* // Русский архив. 1877. Кн. 5. С. 5–36.
- 7 [Как не нужно делать «исторические картины». О фильме «Декабристы»] // Советское кино. 1927. № 2. С. 31.
- 8 Критика. «Союз спасения», 2019 // Kinopoisk.ru. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/972740/press/> (дата обращения 15.11.2023).
- 9 *Лотман Ю.М.* Александр Сергеевич Пушкин: биография писателя. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. 288 с.
- 10 Николай Первый. Молодые годы: воспоминания, дневники, письма / Сост. и подгот. текста М.А. Гордин, В.В. Лапин, И.А. Муравьева. Кн. 1. СПб.: Пушкинский фонд, 2008. 350 с.
- 11 *Олейников Д.И.* Николай I. М.: Молодая гвардия, 2012. 384 с. // Libcat.ru. URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/157150-dmitrij-olejnikov-nikolaj-i.html> (дата обращения 13.07.2023).
- 12 *Петраков Н.Я.* Пушкин целился в царя. Царь, поэт и Натали // Bookz.ru. URL: <https://bookz.ru/authors/petrakov-nikolai/book-pushkin-tselilsia-v-tsaria-tsar-poet-i-natali-124173/read.html> (дата обращения 14.07.2023).
- 13 *Прохоров С.* Главная милость императора: Николай I и Александр Пушкин // Razumei.ru. URL: <https://www.razumei.ru/lib/article/3033> (дата обращения 02.06.2023).
- 14 *Пушкин А.С.* Сочинения / Редакция, биографический очерк и примечания Б. Томашевского; вступ. статья В. Десницкого. Л.: Гослитиздат, 1938. 1115 с.
- 15 *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: В 10 т. / Под общей редакцией Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксман. Т. 7: История Пугачева; Исторические статьи и материалы; Воспоминания и дневники. М.: ГИХЛ, 1962. 462 с.
- 16 *Пушкин А.С.* Вольность. Ода // *Пушкин А.С.* Избранные сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1978. С. 135.
- 17 *Пушкин А.С.* Капитанская дочка. Приложение. Пропущенная глава // Ilibrary.ru. URL: <https://ilibrary.ru/text/107/p.15/index.html> (дата обращения 12.09. 2023).
- 18 *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 10: Письма: [1815–1837] / Примеч. Л.Б. Модзалевского, И.М. Семенко. Л.: Наука, 1979. 712 с.
- 19 *Сидорчик А.* Неприрожденный император. Почему Николай I заслуживает снисхождения // Аргументы и факты. 06.07.2016. URL: https://aif.ru/society/history/peprirozhdennyu_imperator_pochemu_nikolay_i_zasluzhivaet_snishozhdeniya (дата обращения 13.07.2023).
- 20 *Смолин М.Б.* Рыцарь самодержавия // Русский дом. 2021. № 7. URL: <http://russsdom.ru/pode/12007> (дата обращения 13.07.2023).
- 21 *Щёголев П.Е.* Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. М.: Книга, 1987. 576 с.
- 22 *Эйдельман Н.Я.* Чувство истории // Советский экран. 1975. № 24. С. 5.

Правда и ложь в исторических репутациях. Образ императора Николая I в отечественном кинематографе

References:

- 1 Amari. Rossiya Nikolaya [Russia of Nicholas I]. *Stihoza.ru*. Available at: <https://stihoza.ru/amari/rossiya-nikolaya/> (accessed 13.09.2023). (In Russian)
- 2 Benkendorf A.Kh. Vosstanie 14 dekabrya 1825 goda [The Uprising of the 14th of December 1825], publication by A. Litvin. *Zvezda*, 2007, no. 4. Available at: <http://www.zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=740> (accessed 13.07.2023). (In Russian)
- 3 Bokhanov A.N. Tsar' i Poet (Imperator Nikolai I i A.S. Pushkin) [The Tsar and the Poet (the Emperor Nicholas I and A.S. Pushkin)]. *Pravoslavnyi apologet. Bogoslovskii kommentarii na nekotorye sovremennye neprostye voprosy veroucheniya* [An Orthodox Apologist. A Theological Commentary on Some Contemporary Complicated Questions of the Creed], no. 6. Available at: <https://apologet.spb.ru/ru/2044.html> (accessed 14.07.2023). (In Russian)
- 4 Gertsen A.I. *Sochineniya: V 9 t.* [Works: In 9 vols.] Vol. 4: *Byloe i dumy* [The Past and Thoughts]. Moscow, GIHL Publ., 1958. 492 p. (In Russian)
- 5 Ginzburg S.S. *Kinematografiya dorevolutsionnoi Rossii* [The Cinema of Pre-revolutionary Russia]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1963. 406 p. (In Russian)
- 6 Zapiski grafa Aleksandra Ivanovicha Ribop'era [Memoirs of Count Alexandre Ivanovich Ribeaupierre]. *Russkii arkhiv*, 1877, book 5, pp. 5–36. (In Russian)
- 7 [Kak ne nuzhno delat' "istoricheskie kartiny". O fil'me "Dekabristy"] [How "Historical Movies" Shouldn't Be Produced. About the Film *Decembrists*]. *Sovetskoe kino*, 1927, no. 2, p. 31. (In Russian)
- 8 Kritika. "Soyuz spaseniya", 2019 [Critical Reviews. *Union of Salvation*, 2019]. *Kinopoisk.ru*. Available at: <https://www.kinopoisk.ru/film/972740/press/> (accessed 15.11.2023). (In Russian)
- 9 Lotman Yu.M. *Aleksandr Sergeevich Pushkin: biografiya pisatelya* [Alexandre Sergeevich Pushkin: A Biography of the Writer]. St. Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2018. 288 p. (In Russian)
- 10 *Nikolai Pervyi. Molodye gody: vospominaniya, dnevniki, pis'ma* [Nicholas I. His Young Years: Reminiscences, Diaries, Letters], comp., text's prep. M.A. Gordin, V.V. Lapin, I.A. Muravyeva. Book 1. St. Petersburg, Pushkinskii fond Publ., 2008. 350 p. (In Russian)
- 11 Oleinikov D. Nikolai I [Nicholas I]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2012. 384 p. *Libcat.ru*. Available at: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/157150-dmitrij-olejnikov-nikolaj-i.html> (accessed 13.07.2023). (In Russian)
- 12 Petrakov N. Ya. Pushkin tselilsya v tsarya. Tsar', poet i Natali [Pushkin Aimed at the Tsar. The Tsar, the Poet, and Natalie]. *Bookz.ru*. Available at: <https://bookz.ru/authors/petrakov-nikolai/book-pushkin-tselilsya-v-tsaria-tsar-poet-i-natali-124173/read.html> (accessed 14.07.2023). (In Russian)
- 13 Prokhorov S. Glavnaya milost' imperatora: Nikolai I i Aleksandr Pushkin [The Main Mercy of the Emperor: Nicholas I and Alexandre Pushkin]. *Razumei.ru*. Available at: <https://www.razumei.ru/lib/article/3033> (accessed 02.06.2023). (In Russian)
- 14 Pushkin A.S. *Sochineniya* [Works], ed., biographical essay, notes B. Tomashevsky, preface V. Desnitsky. Leningrad, Goslitzdat Publ., 1938. 1115 p. (In Russian)
- 15 Pushkin A.S. *Sobranie sochinenii: V 10 t.* [Collected Works: In 10 vols], eds. D.D. Blagoi, S.M. Bondi, V.V. Vinogradov, Yu.G. Oksman. Vol. 7: *Istoriya Pugacheva; Istoricheskie stat'i i materialy; Vospominaniya i dnevniki* [The History of Pugachyov; Historical Papers and Materials; Reminiscences and Diaries]. Moscow, GIHL Publ., 1962. 462 p. (In Russian)
- 16 Pushkin A.S. Vol'nost'. Oda [Liberty. An Ode]. Pushkin A.S. *Izbrannye sochineniya: V 2 t.* [Selected Works: In 2 vols.]. Vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978, p. 135. (In Russian)
- 17 Pushkin A.S. Kapitanskaya dochka. Prilozhenie. Propushchennaya glava [The Captain's Daughter. A Supplement. An Omitted Chapter]. *Library.ru*. Available at: <https://library.ru/text/1077/p.15/index.html> (accessed 12.09.2023). (In Russian)
- 18 Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: V 10 t.* [Complete Works: In 10 vols.]. Vol. 10: *Pis'ma: [1815–1837]* [Letters: 1815–1837], notes L.B. Modzalevsky, I.M. Semenko. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 712 p. (In Russian)
- 19 Sidorchik A. Neprirozhdennyi imperator. Pochemu Nikolai I zasluhivaet snishkozheniya [The Not-inborn Emperor. Why Nicholas I Deserves Condescension]. *Argumenty i fakty*, 06.07.2016. Available at: https://aif.ru/society/history/neprirozhdennyy_imperator_pochemu_nikolay_i_zasluzhivaet_snishkozheniya (accessed 13.07.2023). (In Russian)
- 20 Smolin M.B. Rytsar' samoderzhaviya [The Knight of Autocracy]. *Russkii dom*, 2021, no. 7. Available at: <http://rusdom.ru/node/12007> (accessed 13.07.2023). (In Russian)
- 21 Shchegolev P.E. *Duel' i smert' Pushkina. Issledovanie i materialy* [The Duel and Death of Pushkin. A Study and Materials]. Moscow, Kniga Publ., 1987. 576 p. (In Russian)
- 22 Eidel'man N.Ya. Chuvstvo istorii [The Feeling of History]. *Sovetskii ekran*, 1975, no. 24, p. 5. (In Russian)